

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКИХ ПЕРЕВОДОВ ЛИРИКИ А. БЛОКА И С. ЕСЕНИНА)

С. И. Григорук

В статье проанализированы разновидности лексико-семантической трансформации цветообозначений в переводах поэтических текстов А. Блока и С. Есенина на украинский язык. Особое внимание уделяется способам компенсации смыслов, направленным на достижение адекватности переводов.

Ключевые слова: цветообозначение, лексико-семантическая трансформация, оригинальный и переводной тексты, соответствие, контекст, коннотация

У статті проаналізовано різновиди лексико-семантичної трансформації кольоропозначень у перекладах поетичних текстів О.Блока та С.Есенина на українську мову. Особливу увагу зосереджено на засобах компенсації смислів, спрямованих на досягнення адекватності перекладів.

Ключові слова: кольоропозначення, лексико-семантична трансформація, оригінальний і перекладний тексти, відповідник, контекст, конотація

The varieties of lexical-semantic modification of colour terms in Ukrainian translations of O.Blok's and S.Esenin's poetic texts have been analysed. Particularly the author of the article highlights the means of compensation sense referring to the achievement of the translation adequacy.

Key words: colour term, lexical-semantic modification, original and translated texts, correspondent, context, connotation

Одной из важнейших составляющих межкультурной коммуникации является перевод. В последние годы активизировался интерес к украинским переводам русской классики, что вызвано, в частности, спецификой изучения русской литературы в общеобразовательных школах Украины в курсе зарубежной литературы. Приобрела **актуальность** проблема выбора наиболее удачных переводов произведений русских писателей, ставших достоянием украинской культуры, с целью рекомендации их учащимся.

С точки зрения современной парадигмы переводоведения, адекватным признается переводной текст, коммуникативно равноценный оригинальному (см.: [6, с. 37-38]), пробуждающий мыследеятельность реципиента сходно с тем, как ее пробуждает подлинник (см.: [2, с. 6]). Для достижения прагматически адекватного перевода художественного текста, в особенности стихотворного с его ритмико-мелодическим своеобразием, неизбежны лексико-семантические трансформации языковых единиц оригинала, обусловленные своеобразием его интерпретации переводчиком.

Цель. В данной статье рассматриваются разновидности лексико-семантической трансформации цветообозначений в украинских переводах поэзии А. Блока и С. Есенина, у которых цветопись является одной из идиостилевых доминант. Оригинальные тексты А. Блока сопоставляются с интерпретациями И. Драча, П. Иванова, В. Кордуна, В. Коптилова, Д. Павлычко и других переводчиков [1], а тексты С. Есенина – с переводами Б. Чипа [4]. Исследование осуществлялось с опорой на труды Я.И. Рецкера, описавшего основные виды лексических трансформаций в рамках теории закономерных соответствий [7], и И.В.Ковальской, проследившей особенности воспроизведения семантики цветообозначений в переводе на материале украинских и англоязычных художественных текстов [5].

Переводчики поэзии А. Блока и С. Есенина на украинский язык нередко избирают не полные эквиваленты русских цветообозначений, а частичные, например: заменяют название цветового оттенка синонимичным ему названием другого оттенка того же цвета, обладающим сходными эмоционально-оценочными коннотациями и референциальной соотносительностью: *Что человеческие слезы, Когда румянится закат!* (А. Блок) – *Що варті всі людські сльози, Як захід небо багрянить?* (пер. В. Кордун), *Глупое, милое счастье, Свежая розовость щек!* (С. Есенин) – *Щастя наївне і миле, Свіжа рум'яність ланіт!* (пер. Б. Чип). Цветовые лексемы оригинальных текстов имеют в украинском языке полные эквиваленты: «*румянится – рум'янитися*» [8, с.608], *розовость – рожевість* (см.: «*розовый – рожевий*» [8, с.605]), которые заменяются в переводах синонимами *багрянити* (появляется метафора субъекта), *рум'яність*. Смысловая близость приведенных соответствий зафиксирована в толковом словаре: «*рум'янитися* – ставати рожево-червоним або багряним від променів сонця під час його сходу чи заходу» [10, т.8, с.908], «*рожевий* – який має рум'яниці» [10, т.8, с.588]. Передко основное цветообозначение, выражающее любой оттенок цветового тона безотносительно к степени его выявления, с прагматической целью заменяется в переводе названием конкретного оттенка. Например, Б. Чип употребляет вместо лексемы *червоний*, словарного соответствия для русского *красный*, поэтизм *черлений* (см.: [10, т. 11, с.310]) для усиления экспрессии торжественности: *О звезды, звезды...Капающие красным воском На молитвенник зари* (С.Есенин) – *О зорі, зорі... Що скрапують воском черленим На молитовник зорі* (пер. Б.Чип).

Примером конкретизации значения в переводе является также замена лексемы *краснеть* украинским аналогом *рудіти* с динамической семантикой смешанного, красно-желтого цвета (см.: «*рудий* – червоно-

жовтий” [10, т.8, с.895]), более соответствующим представлению о ржавчине: *Сыпучей ржавчиной краснеют по дороге Холмы плешивые и слегшийся песок* (С.Есенин) – *Іржозю встелені, рудіють при дорозі Плішиві пагорби і злежаний пісок* (пер. Б.Чип). В выполненных Б.Чипом переводах есенинских текстов взаимозаменяемыми становятся русские цветообозначения *рыжий, золотой* и их украинские эквиваленты *рудий, золотий (золотистий)*: *Грезит над озером рыжий овес, Пахнет ромашкой и медом от ос – Мріє овес, золотистий від рос, Пахне ромашкою й медом від ос; Над роцею оценився Златим щенком луна – Над вигайком окотиться Рудим щеням зоря*. Смысловая близость приведенных цветообозначений прослеживается в словарных толкованиях: «*рыжий* – красно-желтый или желто-красный. *Рыжий, как золото, как огонь*» [9, т.12, с.1620], «*золотистый* – кольором схожий на золото; блискучо-жовтий, оранжевий» [10, т.3, с.680].

Цветообозначение оригинального текста иногда переводится лексемой со значением другого цветового тона, что становится возможным благодаря общности их сем-конкретизаторов, например «интенсивный», и позитивных эмоционально-оценочных коннотаций: *О красная вечерняя зоря!* (С.Есенин) – *О надвечірня золота зоря!* (пер. Б.Чип). Такие изменения не ведут к смысловому искажению оригинального текста, поскольку переводчик избирает цветовую характеристику, возможную для описываемой реалии, не нарушая при этом и прагматической функции цветообозначения.

Примером генерализации значения служит появление в переводе основного цветообозначения на месте названия конкретного цветового оттенка. Такие замены характерны для лексем, выражающих концепт синего цвета: *И над твоим соболиным мехом Гуляет ветер голубой* (А. Блок) – *І вже над хутром соболиним Гуляє синій вітровій* (пер. В. Кордун). На способность лексемы *синий* передавать любой оттенок данного цветового тона указывает толковый словарь: «*синий* – який кольором наближається до синього» [10, т.9, с.1378]. Семантика русского цветообозначения *голубой* часто воспроизводится в украинских переводах расчлененно – сочетанием лексемы *синий* с конкретизатором *ясний* (сравн.: «*голубой* – имеющий цвет ясного неба; светло-синий, лазоревый, лазурный» [9, т.3, с.240]; «*голубий* – кольору ясного неба, світло-синій, блакитний» [10, т.2, с.118]): *Голубая родина Фирдуси* (С. Есенин) – *Ясно-синій рідний край Фірдусі* (пер. Б. Чип), *День полувеселья, полустрадный, Голубая гарь от Умбрских гор* (А. Блок) – *День напіввеселий, напівжизний, Понад Умбрські гори – синь ясна* (пер. С. Пинчук). Нередко в переводе эксплицируется только компонент *ясний*: *Пусть над новой избой Будет свод голубой – Полно соснам скрывать синеву!* (А. Блок) – *Світла хато нова, Хай сосна не хова Вже від тебе склепіння ясне!* (пер. В. Коптилов), *Май мой синий! Июнь голубой!* (С. Есенин) – *Травню синій! Мій червню ясний!* (пер. Б. Чип). Подобная трансформация характерна и для названий красного цвета: в переводе сохраняется только семный конкретизатор «яркий» (сравн.: «*червоніти* – виділятися своєю яскравістю, виднітися, впадати в очі» [10, т.11, с.297]): *Гаснут красные крылья заката* (С. Есенин) – *Гаснуть заходу крила яскраві* (пер. Б. Чип).

Иногда переводчики отказываются от полных эквивалентов цветовых прилагательных оригинала, заменяя их субстантивами – названиями прототипов цвета, употребленными в метафорическом цветовом значении, что усиливает экспрессию: *Но густых рябин в проезжих селах Красный цвет зареет издали* (А. Блок) – *Та по селах племін горобини Подорожнім світить уві млі* (пер. В. Коптилов). Украинские переводчики используют лексемы, производные от названия огня, универсального прототипа красного цвета, в качестве цветовых компонентов сложных слов, подчеркивая интенсивность выражаемого цветового оттенка: *Из длинных трав встает луна Щитом краснеющим героя* (А. Блок) – *Мов щит героя, з довгих трав Виходить місяць огнеликий* (пер. М. Москаленко), *Тонкие ноги закидывая к голове, Скачет красногривый жеребенок?* (С. Есенин) – *Ноги тонкі закидаючи до голови, Скаче вогнегривисте лошатко?* (пер. Б. Чип).

Представляет интерес трансформация метафорического составного цветообозначения *дымно-светел*, передающего светлый, серовато-голубой цветовой оттенок в поэзии А. Блока (Сравн.: *Голубая дымка за плечами*), в сравнительный оборот *світлий, мов блакить* в переводе П. Иванова: *Есть демон утра. Дымно-светел он, Золотокурый и счастливый – С демон ранку. Світлий, мов блакить, Золоточубий і щасливий*.

В. Коптилов удачно воспроизводит блоковский образ черного, таинственного и страшного человека с помощью цветообраза ночи – прототипа черного цвета, обладающего сходной с ним символикой (тьма – неведомое – опасное – утрашающее): *Недвижный кто-то, черный кто-то Людей считает в тишине – Хтось нерухомий, В ніч повитий, Людей рахує в тишині*.

Достижение функционального соответствия при переводе исследователи связывают с использованием принципа компенсации смыслов в том же или другом участке текста (см.: [3]). Заслуживает внимания осуществленная Б.Чипом замена основного цветообозначения есенинского текста прилагательным в относительном значении, образованным от названия реалии с характерной цветовой окраской и потому имплицитно содержащим указание на цвет, что способствует достижению адекватности перевода: *Весной и солнцем на лугу Обвита желтая дорога – З весні і сонцем у полях Сповита глиняста дорога*. Лексема *глинястый* может развивать и собственно цветное значение (см.: [10, т. 2, с. 85]).

Лексико-семантические трансформации нередко сопровождают грамматические, вызванные расхождением грамматических структур языков оригинала и перевода. Адекватной следует признать замену действительного причастия *сереющий*, которому в украинском языке соответствует оборот *той, що сіріє*, нежелательный в поэтическом тексте, страдательным причастием *стилюжений*, образованным от названия прототипа серого цвета – пыли и имплицитно содержащим указание на цвет: *И с длинного, протянутого в*

море, Подгнившего, **сереющего** мола (А. Блок) – Из довгого, простягнутого в море, Підгнилого й **спилюженого** молу (пер. Д. Павлычко).

Как представляется, замена цветообозначения в переводе лексемой, дающей изображаемой реалии иную качественную оценку, или оставление ее смысла без компенсации допустимо в случае тех реалий, которые обладают устойчивыми цветовыми ассоциациями четко закрепленным за ними в сознании представителей обеих культур цветовым образом: *Не белы снега по-над Доном Заметали степ синим звоном* (С. Есенин) – *Не густі сніги понад Доном Затопили степ синім дзвоном* (пер. Б. Чип); *Нездаром мне мигнули очи, Приоткнув черную чадру* (С. Есенин) – *Недарма мені моргнули очі, Лиш на мить відкинувши чадру* (пер. Б. Чип).

В поэзии С.Есенина названия синего цвета выступают в символическом значении России, например: *Я покинул родимый дом, Голубую оставил Русь*. При переводе одного из есенинских текстов Б.Чип извлекает цветообозначение *синий* в таком символическом значении, однако это не приводит к значительным смысловым потерям, поскольку в соседних строках представлены образы, характеризующие родину лирического героя: *У меня в душе звенит тальянка, При луне собачий слышу лай. Разве ты не хочешь, персиянка, Увидать далекий синий край? – У мойї душі дзвенить тальянка, В ніч ясну я чую псячий грай. Та невже не хочеш, персіяно, Хоч поглянуть на далекий край?*

В некоторых случаях переводчики, извлекая цветообозначение из контекста, вводят в близлежащий контекст другой цветовой образ, сохраняя при этом зримую деталь поэтической картины мира. Однако такие перемещения не всегда оправданы, особенно если оригинальный цветовой образ заменяется более стереотипным, например: *На крутой горе, под Калугой, Повенчался Ус с синей вьюгой. Лежит он на снегу под елью, С весела-разгула, с похмелья* (С.Есенин) – *На крутїй горі, під Калугою, Повінчали Уса із хугою. Під ялиною на заметі білім Влігся він з розгулу, з похмілья* (пер. Б.Чип).

Представляет интерес трансформация, осуществленная И. Драчом при переводе стихотворения А.Блока «Россия»: *Россия, нищая Россия, Мне избы серые твои, Твои мне песни ветровые, – Как слезы первые любви! – Злиденна й темна ти, Росіє, Мені жура твоїх хатин, Твої пісні на вітровїї – Кохання першого полин!* Невыразительный серый цвет, символизирующий у поэта нищету деревенской России, ассоциируется с печалью. Переводчик не сохранил цветовой образ оригинала, однако верно передал производимое им эмоциональное впечатление, что свидетельствует об адекватности его интерпретации.

Выводы. Таким образом, способы воссоздания семантики цветообозначений, сопровождающиеся трансформациями, в большинстве случаев позволяют достичь функциональной адекватности перевода, приблизить его художественно-эстетическое воздействие на инокультурного читателя к восприятию реципиента оригинального текста.

Литература:

1. Блок О. Поезії / Перекл. з рос.; Передм. М.Рильського. – К.: Дніпро, 1980. – 238 с.
2. Богин Г.И. Критика перевода в свете современных представлений о рефлексии //Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология: Сб. научн. тр. – Калинин: Изд-во КГУ, 1989. – С.6-14.
3. Галеева Н.Л. Переводимость и некоторые принципы достижения адекватности перевода // Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология: Сб. научн. тр. – Калинин: Изд-во КГУ, 1989. – С.81-88.
4. Есенин С....На рожевім просакав коні: Вірші та поеми / Пер. з рос.: Передм. Б.М.Чіпа; післямова Р.Ш.Чілачави. – К.: Голов. спеціаліз. ред. літ. мовами нац. меншин України, 1995. – 349 с.
5. Ковальська І.В. Колористика як перекладознавча проблема (на матеріалі українських і англомовних художніх текстів) /Київськ. нац. ун-т ім.Т.Шевченка: Автореф. дис.... канд. філол. наук. – К., 2001. – 19 с.
7. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 166 с.
8. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Междунар. отношения, 1974. – 216 с.
9. Русско-украинский словарь /Гл. ред. М.Я.Калинович; члены редкол. Л.А.Булаховский, М.Ф.Рыльский. – К.: Изд-во АН УССР, 1956. – 804 с.
10. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1960.
11. Словник української мови: В 11 т. – К.: Наук. думка, 1970-1980.